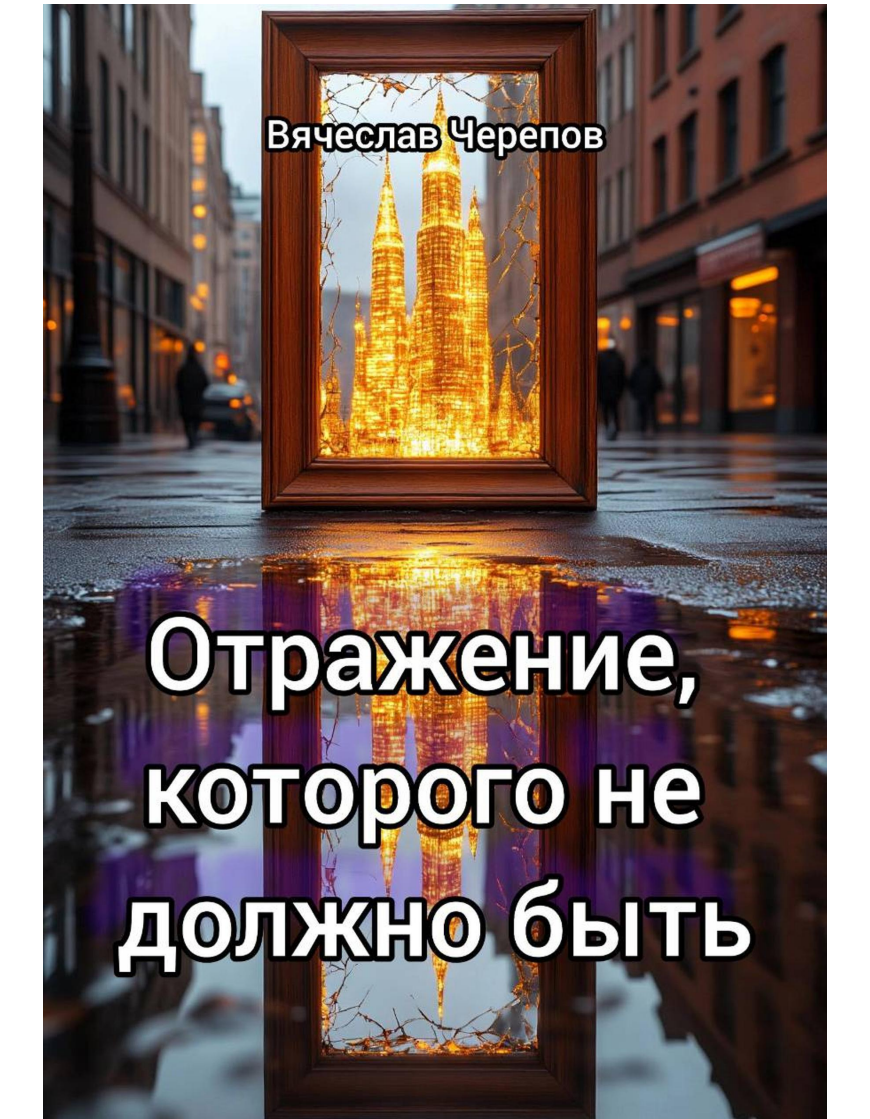

Вячеслав Черепов

Отражение,
которого не
должно быть

Вячеслав Черепов

Отражение, которого не должно быть

<https://litres.ru/74067873>

SelfPub; 2026

Аннотация

Андрей — обычный художник-реставратор. Серая жизнь, серые улицы, серые мысли. Вдохновение умерло в нём много лет назад.

Но однажды в обычной луже он видит отражение, которого не должно существовать: золотые башни, парящие в небе силуэты и... себя самого. Другого. Живого.

С этого момента реальность начинает трещать по швам. Загадочная лавка, старик в кимоно, флакон с живой жидкостью и мир по ту сторону зеркала.

Что скрывает параллельная реальность? Кто тот Андрей из лужи? И почему кончик карандаша оставляет на бумаге следы настоящей золотой пыли?

История о том, как обычный человек находит дверь в невозможное.

Содержание

Пролог	4
Лавка, которой не было вчера	24
Золотая клетка	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вячеслав Черепов

Отражение, которого не должно быть

Пролог

Цвет, которого больше нет.

Андрей проснулся за минуту до звонка будильника. Он всегда просыпался за минуту до него, словно организм, привыкший к многолетней муштре, сам отсчитывал последние секунды тишины. Он лежал с открытыми глазами, глядя в потолок, на котором проступало жёлтое пятно от старой протечки. Пятно напоминало контуры Южной Америки. Майя когда-то шутила, что это похоже на танцующего журавля.

Майя. Мысль о ней пришла не как острая, режущая боль, как было в первые два года, а как тупая, ноющая тяжесть в груди. Привычная. Как артрит в коленях перед дождём.

Он сел на кровати. Суставы предательски щёлкнули. Сорок пять лет — возраст, когда тело начинает тихо, но настойчиво напоминать о себе. Андрей спустил ноги на холодный линолеум. В квартире пахло сыростью, остывшим чаем и скипидаром. Этот запах въелся в обои, в шторы, в самую структуру его кожи. Запах реставратора. Запах человека, ко-

торый чужими руками возвращает жизнь старым рамам, но не может оживить собственный дом.

На кухне он механически поставил чайник. Пока вода закипала, он подошёл к окну. Стекло было холодным, запотевшим изнутри. За окном серел город. Не просто пасмурный — именно серый. Выцветший, словно кто-то взял губку, смоченную в грязной воде, и прошёлся по фасадам, по асфальту, по небу.

Раньше он видел цвета. Когда Майя была рядом, мир был насыщенным, почти кричащим. Она учила его замечать оттенки: не просто «красный», а «кармин с капелькой охры», не просто «синий», а «глубокий кобальт, пахнущий морем». Но когда её сердце остановилось в той больничной палате, вместе с ним остановилось и что-то внутри него. Словно перегорела матрица. С того дня мир для Андрея потерял объём. Осталась только плоская, монотонная серость.

Он допил чай, даже не почувствовав его вкуса, и вышел в прихожую. Старая кожаная куртка пахла мокрой шерстью и пылью. Он накинул её, не застёгивая, и шагнул в подъезд.

Улица встретила его мелким, противным дождём, который не шёл, а висел в воздухе, оседая на лице холодными каплями. Андрей опустил голову и пошёл. Три квартала до мастерской. Маршрут, отточенный до автоматизма за последние пять лет. Мимо аптеки с тусклой вывеской, мимо булочной, пахнущей дешёвым маргарином, мимо детской площадки, где ржавые качели скрипели на ветру.

Он не смотрел по сторонам. Смотреть было не на что. Он смотрел под ноги, механически переступая через лужи, разбитый асфальт и окурки. Его сознание было отключено, работала только мышечная память, несущая тело из точки А в точку Б.

Но на повороте к мастерской его ботинок скользнул по краю глубокой лужи. Андрей остановился, чтобы не запачкать брюки, и раздражённо посмотрел вниз. И замер.

Вода в луже была мутной, с плавающими в ней листьями и маслянистыми разводами. Но то, что отражалось в этой грязной глади, не имело ничего общего с серым небом и обшарпанными фасадами хрущёвок напротив.

Там, в дрожащей воде, тянулись ввысь башни.

Они были тонкими, устремлёнными в какие-то невидимые облака, и светились мягким, тёплым золотым светом. Это не было похоже на отражение солнца — солнца в этом небе вообще не было. Свет исходил от самих зданий, словно кто-то растворил в воздухе жидкое солнце, и оно медленно стекало по стенам. А между башнями, в вышине, парили силуэты. Слишком крупные для птиц, слишком изящные и плавные для машин. Они двигались с грацией скатов в океане, рассекая воздух.

Андрей перестал дышать.

Сердце, которое ещё минуту назад вяло перекачивало кровь, suddenly начало биться где-то в горле, гулко и больно ударяя в виски. Он моргнул. Тёр глаза рукавом куртки, уве-

ренный, что это галлюцинация, приступ мигрени или просто игра усталого сознания.

Он посмотрел снова.

Золотые башни были на месте. Они пульсировали, жили, дышали. От них веяло таким невообразимым покоем и величием, что у Андрея защипало в глазах. Он почувствовал запах — не выхлопных газов и мокрой шерсти, а чего-то пряного, сладковатого, напоминающего разогретый на солнце воск и озоновый воздух после грозы.

— Ты чего застыл, дед? Пропускай!

Грубый толчок в плечо вернул его в реальность. Какой-то мужчина в спортивном костюме обходил его, бормоча что-то недовольное.

Андрей вздрогнул, отшатнулся и снова посмотрел в лужу.

Обычная вода. Серое небо. Отражение бетонной коробки с облезлой штукатуркой.

— Показалось, — хрипло произнёс он. Голос звучал чужим, дрожащим. — Просто устал. Не выспался.

Он заставил себя пойти дальше, но ноги казались ватными. Весь остаток пути до мастерской он чувствовал на себе чей-то невидимый взгляд. Будто мир, который он считал мёртвым, на секунду приоткрыл ему веко.

Мастерская «Старая рама» ютилась в подвале жилого дома на улице Ленина. Вывеска над входом давно выцвела, и теперь буквы «С» и «Р» почти слились с ржавчиной. Ан-

дрей спустился по скрипучей лестнице, открыл дверь своим ключом и включил свет. Лампы дневного света замигали и неохотно зажглись, заливая помещение холодным, безжизненным светом.

Здесь пахло так же, как в его квартире — скипидаром, льняным маслом и старой древесиной. Но здесь этот запах был родным. Здесь Андрей чувствовал себя нужным.

Он снял куртку, повесил её на крючок у двери и подошёл к своему рабочему столу. На нём лежала рама — тяжёлая, дубовая, с позолотой, которая местами облезла, обнажив тёмное дерево. Работа была кропотливой, монотонной — именно такой, какую любил Андрей. Не нужно было думать. Не нужно было чувствовать. Нужно было просто брать скальпель, аккуратно соскребать старый лак, наносить новый, полировать.

Он сел за стол, взял инструменты и погрузился в работу. Прошло часа два, когда дверь мастерской распахнулась, и на пороге возник Виктор Павлович — владелец магазина, клиент и по совместительству начальник Андрея. Мужчина лет шестидесяти, полный, с красным лицом и вечной сигарой в зубах, которую он никогда не зажигал в помещении, но держал для солидности.

— Андрюха, ты тут? — гаркнул он, не здороваясь. — Ну слава богу. Слушай, у меня клиентка завтра приезжает, из Москвы. Хочет посмотреть на ту раму от Айвазовского. Ты её закончил?

Андрей отложил скальпель.

— Виктор Павлович, я же говорил — там ещё слой лака снимать. Минимум неделя.

— Какая неделя?! — Виктор Павлович всплеснул руками.
— Ты что, в своём уме? Она завтра в девять утра будет!

— Если я потороплюсь, позолота облезет. Будет выглядеть как дешёвка.

— А ты не торопись, ты работай! — фыркнул Виктор Павлович. — Ладно, скажи ей, что через три дня. Но не больше. Понял?

Он развернулся и вышел, хлопнув дверью. Андрей посмотрел ему вслед, потом вздохнул и вернулся к работе.

Он не любил Виктора Павловича. Точнее, ему было всё равно. Раньше, когда Майя была жива, они часто спорили из-за него. Майя говорила: «Андрюша, ты позволяешь ему себя использовать. Ты талантливый, ты мог бы открыть свою мастерскую». Андрей отмахивался: «Мне и так нормально. Стабильность — это важно». Майя грустно улыбалась и больше не настаивала.

Теперь, когда её не было, эта «стабильность» казалась ему единственной опорой. Хрупкой, шаткой, но всё же опорой.

Он работал до обеда, потом пошёл в столовую через дорогу — там давали борщ и котлету с пюре. Еда была безвкусной, но Андрей ел механически, не замечая вкуса. Вернулся, работал до шести. Когда закончил, на улице уже стемнело.

Он вышел из мастерской, накинул куртку и пошёл домой.

Дорога казалась длиннее, чем утром. Фонари горели тускло, отбрасывая на мокрый асфальт жёлтые круги. Андрей шёл, опустив голову, и думал о Майе.

Они познакомились в художественном училище. Ему было двадцать, ей — девятнадцать. Она ворвалась в его жизнь, как ураган — яркая, шумная, невозможная. Она рисовала маслом, акварелью, углём, пальцами, чем попало. Он был более аккуратным, более техническим. Она смеялась над его педантичностью, он восхищался её свободой.

Однажды, на третьем курсе, они пошли на этюды за город. Была осень, золотая, пахнувшая прелыми листьями и дымом костров. Майя села на холм, раскрыла мольберт и начала писать. Андрей подошёл посмотреть.

— Что ты рисуешь? — спросил он.

Она показала ему холст. Там был лес, но не просто лес — он горел. Не огнём, а цветом. Каждый лист был отдельной вспышкой — оранжевой, красной, золотой, багряной.

— Я рисую то, что чувствую, — сказала она. — А ты?

— Я рисую то, что вижу.

Она покачала головой.

— Это мало, Андрюша. Нужно рисовать то, что видишь, и то, что чувствуешь одновременно. Тогда получится настоящее.

Он запомнил эти слова. Помнил всю жизнь.

После её смерти он пытался рисовать так, как она учила. Но ничего не получалось. Цвета были мёртвыми. Мазки —

механическими. Он бросил кисти через год. Осталась только реставрация — чужие работы, чужое вдохновение, чужая жизнь.

Андрей дошёл до своего дома. Это была обычная пятиэтажка, построенная в семидесятых. Подъезд пах кошками и сыростью. Он поднялся на третий этаж, открыл дверь квартиры ключом.

Внутри было темно и тихо. Он включил свет в прихожей, разделся, повесил куртку. На кухне заварил чай — тот же, что пил утром. Сел за стол.

И вдруг вспомнил.

Лужа.

Золотые башни.

Сердце пропустило удар. Андрей поставил чашку на стол так резко, что чай плеснулся на скатерть.

— Нет, — прошептал он. — Нет, это было утром. Просто усталость. Мигрень.

Но воспоминание было слишком ярким. Слишком реальным. Он видел эти башни так чётко, словно они стояли перед ним прямо сейчас. Он чувствовал запах — воск и озон. Он слышал тишину — ту особенную, звенящую тишину, которая бывает только в горах или в пустых соборах.

Андрей встал. Подошёл к окну. Посмотрел на улицу.

Дождь перестал. Асфальт блестел под фонарями, отражая жёлтый свет. Лужи стояли вдоль тротуара, как маленькие озёра.

Он оделся. Вышел из квартиры. Спустился по лестнице.

Улица была пустой. Редкие машины проезжали мимо, шурша шинами по мокрому асфальту. Андрей пошёл. Он не думал, куда идёт. Ноги сами несли его туда, где три квартала назад, на повороте к мастерской, была та самая лужа.

Он шёл быстро, почти бежал. Сердце колотилось. В голове крутились мысли: «Я сошёл с ума. Я точно сошёл с ума. Нужно к врачу. К неврологу. К психиатру».

Но он шёл.

Дойдя до поворота, он остановился.

Лужа была на месте. Она почти высохла — от неё осталось лишь большое мокрое пятно на асфальте, окружённое более тёмным ободком. Но в центре ещё стояла вода. Мутная, с плавающими в ней листьями и песчинками.

Андрей подошёл. Остановился над ней.

Сначала он увидел только своё отражение. Помятое, усталое лицо мужчины средних лет. Сутулые плечи. Пустые глаза. Серую щетину на подбородке.

Он наклонился ближе.

И замер.

Отражение изменилось.

Нет, не изменилось. Оно... заменилось.

В воде смотрел на него другой мужчина. Тот же рост, те же черты лица, но всё было иначе. Этот мужчина был моложе — лет на десять, не меньше. Спина прямая. Плечи расправлены. Волосы аккуратно уложены. Одет он был в тёмный пи-

джак и светлую рубашку — дорого, со вкусом.

Но главное — глаза.

В этих глазах горел огонь. Живой, дерзкий, насмешливый огонь, которого Андрей не видел в собственном взгляде уже лет десять. Может, никогда не видел.

Андрей отшатнулся, едва не упав.

Мужчина в воде не отшатнулся. Он стоял прямо, спокойно, и смотрел на Андрея с лёгкой, почти сочувственной улыбкой.

За его спиной, в отражении, возвышались золотые башни. Те самые. Они сияли, пульсировали, жили.

— Кто ты? — прошептал Андрей. Голос дрожал.

Мужчина в воде не ответил. Он лишь медленно, очень медленно поднял руку и помахал. Жест был спокойным, почти приветливым. Будто он говорил: «Я знаю тебя. Ты знаешь меня. Всё хорошо».

Андрей попятился. Развернулся. Побежал.

Он бежал, не оглядываясь. Бежал, пока не добежал до своего дома. Вбежал в подъезд, поднялся по лестнице, влетел в квартиру. Запер дверь на все замки.

Прислонился спиной к двери. Тяжело дышал.

— Это галлюцинация, — сказал он вслух. — Галлюцинация. Стресс. Переутомление.

Но в глубине души он знал — это не так.

Андрей прошёл на кухню. Сел за стол. Посмотрел на чашку с чаем. Чай давно остыл.

Он сидел так долго. Час. Два. Время потеряло смысл.

Потом встал. Подошёл к ящику стола, в котором хранил старые вещи — квитанции, ручки, засушенные цветы (Майины, он не мог их выбросить). Открыл ящик.

На дне лежал блокнот. Старый, запылённый, в потёртой обложке. Тот самый, в который он последний раз что-то рисовал лет пять назад. Сразу после похорон.

Андрей достал его. Сдул пыль. Открыл.

Страницы были пустыми. Кроме последней — там остался старый, незаконченный набросок. Майя. Он рисовал её по памяти, но не закончил. Не смог.

Андрей посмотрел на пустые страницы.

Рука сама потянулась к карандашу, который лежал рядом. Он не думал. Не планировал. Просто начал рисовать.

Башни. Золотые, уходящие в небо. Тонкие, изящные, пульсирующие светом.

Он рисовал быстро, жадно, словно боялся, что образ исчезнет. Карандаш скользил по бумаге, оставляя уверенные, сильные штрихи. Таких штрихов он не делал годами.

С каждым штрихом внутри просыпалось что-то. Что-то, что он считал мёртвым. Вдохновение. Жажда. Жизнь.

Он рисовал полчаса. Может, час. Когда закончил, откинулся на спинку стула. Посмотрел на рисунок.

Это было хорошо. Очень хорошо. Лучше, чем всё, что он создавал за последние десять лет.

Андрей улыбнулся. Впервые за долгое время — по-насто-

ящему улыбнулся.

И тут заметил.

На бумаге, поверх карандашных штрихов, блестела пыль. Мелкая, золотая, почти осязаемая. Она лежала тонким слоем, искрилась в свете кухонной лампы.

Андрей наклонился ближе. Осторожно коснулся пыли пальцем.

Она была тёплой.

Живой.

Он отдёрнул руку. Посмотрел на палец. На подушечке блестела крошечная золотая искра.

— Что это? — прошептал он.

Но ответа не было. Только тишина квартиры. И золотая пыль на бумаге.

Андрей сидел за кухонным столом, не сводя глаз с блокнота. На улице давно стемнело, и единственным источником света была тусклая лампа над раковиной, отбрасывающая на стол резкие, падающие тени.

Он встал, прошёл в ванную и вернулся с маленькой лупой, которую обычно использовал для осмотра микротрещин в старом лаке. Сел, придвинул лампу ближе и склонился над бумагой.

Как реставратор с двадцатилетним стажем, он знал всё о пигментах. Он мог на ощупь отличить натуральную охру от синтетической, знал, как пахнет разведённая на яичном

желтке темпера, и умел распознавать поддельную сусальную золотую фольгу по одному лишь взгляду.

Он поднёс лупу к золотой пыли.

Это не было золото. Сусальное золото имеет характерный, слегка тусклый блеск, оно ложится ровным слоем и не светится изнутри. Это не была и слюда — слюда даёт холодный, искрящийся отблеск, но она плоская.

Пыль в блокноте состояла из крошечных, идеальных многогранников. Они не просто лежали на поверхности бумаги — они словно парили в миллиметре над ней, медленно вращаясь вокруг своей оси. И они светились. Не отражали свет лампы, а излучали свой собственный, мягкий, пульсирующий, как угли в камине.

Андрей отложил лупу. Руки его дрожали, и он спрятал их в карманы домашнего свитера.

— Это невозможно, — повторил он вслух. В пустой квартире его голос прозвучал глухо, словно стены впитывали звук.

Он знал законы физики. Знал химию материалов. Знал, что чудес не бывает. Но перед ним лежало то, что ломало всё его понимание реальности.

Он осторожно, кончиком мизинца, стряхнул одну пылинку на ноготь. Она была тёплой. Не горячеей, а именно тёплой, как кожа живого человека. Андрей поднёс палец к лицу. От пылинки пахло озоном и разогретым на солнце пчелиным воском. Тем самым запахом, который он почувствовал утром

у лужи.

Внезапно в тишине квартиры раздался резкий, требовательный звонок телефона.

Андрей вздрогнул так сильно, что пылинка слетела с ног-
тя и растворилась в воздухе, не успев коснуться стола. Он
схватил смартфон. На экране высветилось имя: «Ира». Его
младшая сестра.

Он нажал на зелёную трубку.

— Алё, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Андрюш, ты почему не берёшь трубку? Я уже третий
раз звоню! — голос Ирины был громким, тревожным и до
боли привычным. — Мама опять звонила, ныла, что ты ей
не перезваниваешь. Ты там живой вообще?

— Живой, Ира. Просто... работал. Устал.

— Работал? В десять вечера? — Сестра фыркнула, но в её
тоне сквозило облегчение. — Слушай, ты как? Ты там ешь
нормально? Я тебе на почту скинула рецепт шарлотки, ты
посмотри. И маме позвони завтра, а? Она переживает.

— Хорошо. Позвоню.

— Андрюш... — её голос внезапно стал тише, мягче. —
Ты там... держись. Ладно? Я просто хотела услышать твой
голос.

— Я держусь, Ира. Всё хорошо. Спокойной ночи.

Он отключил звонок и положил телефон на стол экраном
вниз.

«Всё хорошо», — подумал он с горькой усмешкой. Его

сестра, его мать, весь его привычный мир сейчас казались ему картонными декорациями. Плоскими, серыми, ненастоящими. А вот эта золотая пыль на бумаге была единственной реальной вещью в этой квартире.

Он не лёг спать. Боялся, что если закроет глаза, видение исчезнет.

Он сидел на кухне до трёх часов ночи, глядя на блокнот. Когда он наконец выключил свет и пошёл в спальню, пыль продолжала слабо светиться в темноте. Ритмично. Медленно. Как будто блокнот дышал.

Сон, когда он всё же пришёл, был тяжёлым и вязким.

Ему снилась Майя. Она стояла в их старой мастерской, спиной к нему, и писала картину. Но вместо красок она использовала эту золотую пыль. Она брала её пальцами, размазывала по холсту, и от её рук исходил жар.

— Майя, — позвал он во сне.

Она обернулась. Её лицо было красивым, но глаза... глаза были пустыми. В них не было ни света, ни тепла. Только холодное, зеркальное отражение его самого.

— Ты нашёл цвет, Андрюша, — сказала она голосом, который звучал как скрежет металла по стеклу. — Но ты не знаешь, чем его разводить.

Андрей проснулся от собственного крика.

Он рывком сел на кровати. Сердце бешено колотилось, рубашка прилипла к спине от холодного пота. В спальне было серое, утреннее освещение. За окном моросил противный

осенний дождь.

Он тяжело дышал, оглядываясь по сторонам. Обычная комната. Шкаф, комод, стул с накинутой курткой. Никакой мастерской. Никакой Майи.

Андрей провёл ладонью по лицу. Щетина колола пальцы. Он чувствовал себя разбитым, словно не спал, а таскал мешки с цементом. Голова гудела, в висках пульсировала тупая боль.

Он встал, надел тапочки и побрёл в ванную.

Включил свет. Резкие лампы дневного света безжалостно высветили каждую деталь. Андрей посмотрел в зеркало над раковиной.

На него смотрел чужой, старый человек.

Глубокие тени под глазами. Серая, нездоровая кожа. Сутулые плечи, опущенные под невидимой тяжестью. В глазах не было ни огня, ни жизни. Только привычная, въевшаяся в подкорку серость.

Он открыл кран. Ледяная вода хлестнула в раковину. Андрей плеснул её в лицо, пытаясь смыть остатки кошмара, усталость и этот странный, сладковатый запах озона, который, казалось, преследовал его даже здесь.

Вода стекала по подбородку, капала на футболку. Он поднял голову и снова посмотрел в зеркало.

Ничего не изменилось. Никаких золотых башен. Никакого молодого двойника. Только он. Уставший, одинокий реставратор, который чинит чужие рамы, потому что не может

склеить собственную жизнь.

— Пора на работу, — хрипло сказал он своему отражению.

Отражение безмолвно повторило движение его губ.

Андрей вытерся полотенцем, оделся в привычную серую одежду и вышел на кухню. Блокнот всё ещё лежал на столе. Золотая пыль никуда не делась. Она блестела на бумаге мелкими, почти осязаемыми искрами, игнорируя серый утренний свет.

Андрей подошёл ближе, затаив дыхание. Он осторожно, почти благоговейно коснулся искр пальцем.

Пыль оказалась тёплой.

Андрей стоял у раковины и тёр руки хозяйственным мылом. Жёсткая щётка, которой он обычно отчищал засохший лак с ногтей, впивалась в кожу, оставляя красные полосы. Но золотистый отблеск не исчезал. Он словно въелся в поры, тлел под верхним слоем эпидермиса.

Он вытер руки полотенцем и снова посмотрел на ладони. Под ногтями, в микроскопических трещинках на подушечках пальцев, всё ещё мерцала та самая пыль. Она не пачкала. Она *была* частью его.

— Бред, — выдохнул он. — Обычный пигмент. Какой-то новый вид люминесцентной краски. Майя бы знала, что это.

Мысль о жене ударила под дых. Андрей закрыл глаза. Майя умерла пять лет назад. Рак. Быстро, жестоко, не оста-

вив ему даже времени на то, чтобы попрощаться так, как они оба хотели. После её смерти мир для него действительно обесцветился. Он перестал видеть оттенки. Небо стало просто серым, трава — тускло-зелёной, лица людей — бледными масками. Он жил в чёрно-белом кино, где звук был приглушён ватой.

Но эта пыль... Эта пыль была ярче всего, что он видел за последние пять лет.

Он вернулся на кухню. Блокнот лежал на столе. Пыль на бумаге казалась ему сейчас не просто странной, а пугающей. Она пульсировала в такт его собственному сердцебиению.

Андрей подошёл к зеркалу в прихожей. Посмотрел на своё отражение. Уставший мужчина в мятой домашней футболке. Сутулые плечи, глубокие тени под глазами, серая щетина.

И вдруг — ему показалось, или он действительно это увидел? — уголки губ его отражения дрогнули. Едва заметно. Чуть выше, чем у него самого. В глазах отражения на долю секунды вспыхнул тот самый дерзкий, живой огонь, который он видел вчера в луже.

Андрей моргнул. Отражение моргнуло вместе с ним. Всё было как обычно.

— Я схожу с ума, — тихо сказал он. — Мне нужен врач. Невролог. Психиатр. Кто угодно.

Но он знал, что не пойдёт к врачу. Потому что если врачи скажут, что это галлюцинации, ему придётся принять таб-

летки. А таблетки убьют эту золотую пыль. Убьют этот единственный цвет, который вернулся в его жизнь.

Он оделся. Накинул старую кожаную куртку, запахнул её, пряча дрожащие руки в карманы. Ему нужно было выйти. Стены квартиры давили на него, становились всё уже с каждой минутой. Ему нужен был воздух. Или, может быть, он просто хотел снова найти ту лужу. Убедиться, что она высохла. Что всё это было просто сном.

Андрей вышел из подъезда.

Утро выдалось на редкость пасмурным. Низкое небо нависало над крышами, давя на плечи. Люди спешили по своим делам, уткнувшись в телефоны или воротники пальто. Никто не смотрел по сторонам. Никто не замечал, как тускло горят фонари, как безжизненно блестит мокрый асфальт.

Андрей шёл по своему привычному маршруту. Три квартала до мастерской. Но сегодня его шаги были тяжелее. В кармане куртки он сжимал маленький стеклянный пузырёк из-под капель для глаз, в который утром, дрожащими руками, соскрёб немного золотой пыли. Стекло было тёплым. Оно грело бедро через ткань брюк, как раскалённый уголёк.

Он свернул на улицу Ленина. Мимо аптеки. Мимо булочной, пахнущей дешёвым маргарином.

И остановился.

Воздух изменился.

Среди запахов выхлопных газов, мокрой шерсти и осенней прели вдруг проступил другой аромат. Сладковатый.

Пряный. Пахнувший разогретым пчелиным воском и озоном после грозы. Тот самый запах, который он почувствовал утром у лужи.

Андрей медленно поднял голову.

Между аптекой и булочной, втиснувшись в узкий проём, где ещё вчера была глухая кирпичная стена, покрытая граффити, стояла маленькая лавка.

Деревянная вывеска над дверью гласила: «Редкости и антиквариат». Буквы были потёртыми, словно выцветшими от сотен солнц, но в их изгибах читалась странная, притягательная сила.

Дверь лавки была приоткрыта. Из щели лился тёплый, янтарный свет, который совершенно не вязался с серым утренним городом.

Андрей стоял и смотрел на неё. Его сердце колотилось где-то в горле, гулко и больно. Он знал, что не должен туда входить. Он знал, что нормальные люди проходят мимо странных лавок, которых не было вчера.

Но его ноги уже делали шаг вперёд.

Лавка, которой не было вчера

Глава 1. Лавка, которой не было вчера.

Утро наступило не как пробуждение, а как приговор.

Андрей открыл глаза и первым делом почувствовал тяжесть в голове. Не боль, нет. Скорее, ощущение, что черепная коробка стала слишком тесной для мозга, который всю ночь работал без остановки. Он лежал неподвижно, слушая, как за окном монотонно барабанит дождь. Серый свет просачивался сквозь щели в шторах, окрашивая комнату в цвет старого свинца.

Но Андрей не смотрел на окно. Его взгляд был прикован к письменному столу у стены.

Там, на потёртой клеёнке, лежал блокнот.

Он помнил каждую секунду прошлой ночи. Помнил, как рисовал башни. Помнил тепло пыли под пальцем. Но память могла обманывать. Мозг, уставший от одиночества и рутины, способен породить самые изощрённые иллюзии. Вчера ему показалось отражение в луже. Сегодня он увидел пыль. Завтра, возможно, голоса зашепчут.

«Нужно проверить», — подумал он. Голос в голове звучал чужим, холодным и рациональным. Голосом реставратора, который привык отделять подлинник от подделки.

Андрей медленно поднялся. Суставы хрустнули, напоминая о возрасте. Он подошёл к столу, стараясь ступать тихо, словно боялся спугнуть видение.

Блокнот был на месте. Открыт на той самой странице.

Андрей остановился в полуметре от него. Затаил дыхание.

Золотая пыль никуда не исчезла.

Она лежала на бумаге тонким, мерцающим слоем. В сером утреннем свете она казалась даже ярче, чем ночью. Каждая искра была отдельной точкой света, живой и пульсирующей. Это не было похоже на блёстки из магазина канцтоваров или на остатки настоящей позолоты. Это было чем-то иным. Чем-то, что не должно существовать в физическом мире.

Андрей протянул руку. Пальцы дрожали — мелкая, противная дрожь, которую он не мог контролировать. Он коснулся бумаги кончиком указательного пальца.

Тепло.

Не остаточное тепло от лампы или рук. А активное, внутреннее тепло. Будто он коснулся кожи живого существа. Пыль слегка вибрировала под подушечкой пальца, отзываясь на прикосновение.

— Это невозможно, — прошептал он.

Слова повисли в тишине квартиры. Никто не ответил. Только дождь за окном продолжал свой бесконечный разговор с асфальтом.

Андрей отдернул руку. Посмотрел на палец. На коже

остался крошечный золотистый след, который начал медленно таять, впитываясь обратно в воздух.

Он резко развернулся и пошёл в ванную. Ему нужно было увидеть себя. Убедиться, что он всё ещё здесь. Что он всё тот же Андрей.

Включил свет. Резкие лампы дневного освещения безжалостно высветили каждую морщину, каждый седой волос.

В зеркале стоял сутулый мужчина средних лет. Лицо одутловатое, серое. Под глазами залегли глубокие тени. Во взгляде — пустота. Та самая привычная, въевшаяся в подкорку серость, которая стала его второй кожей за последние пять лет.

Никакого огня. Никакой молодости. Никакого золотого свечения в глазах.

— Ты нормален, — сказал он отражению. — Ты просто устал. Тебе нужен отдых. Витамины. Прогулки.

Отражение безмолвно повторило движение губ.

Андрей умылся ледяной водой. Вытер лицо жёстким полотенцем. Оделся в привычную серую одежду: тёмные брюки, рубашка в клетку, старый пиджак. Накинул кожаную куртку. Всё было как всегда. Рутинa. Защита. Броня, за которой можно спрятаться от мира.

Но когда он выходил из квартиры, блокнот остался на столе. Открытый. С золотой пылью.

Он не взял его с собой. Не смог. Слишком страшно. Слишком реально.

Улица встретила его сыростью и запахом мокрой листвы. Дождь моросил мелкими, холодными каплями, оседая на лице и одежде. Андрей опустил голову и пошёл.

Три квартала до мастерской. Маршрут, отточенный годами. Прямо по улице Ленина, поворот направо, мимо аптеки с тусклой вывеской, мимо булочной, пахнущей дешёвым маргарином.

Он шёл автоматически. Ноги сами несли тело по знакомому пути. Сознание было где-то далеко, занятое анализом произошедшего.

Пыль реальна. Значит, лужа тоже была реальна. Значит, двойник...

Андрей тряхнул головой, отгоняя мысли. Нет. Нельзя так думать. Нужно найти рациональное объяснение. Люминесцентный пигмент? Галлюцинация, вызванная стрессом? Начало неврологического заболевания?

Он свернул на улицу, где должна была быть аптека.

И остановился.

Воздух изменился.

Среди привычных запахов города — выхлопных газов, мокрой шерсти, прелой листвы — вдруг проступил другой аромат. Сладковатый. Пряный. Пахнущий разогретым пчелиным воском, старой бумагой и озоном после грозы.

Тот самый запах, который он почувствовал вчера у лужи. Андрей поднял голову.

Между аптекой и булочной, втиснувшись в узкий проём, где ещё вчера была глухая кирпичная стена, покрытая граффити и трещинами, стояла маленькая лавка.

Он замер. Сердце пропустило удар, затем начало биться где-то в горле, гулко и больно.

Он ходил по этой улице десять лет. Каждый день. Дважды в день. Он знал каждый камень на тротуаре, каждую трещину в фасадах. Вчера здесь была стена. Он готов поклясться в этом. Он помнил, как обходил это место, потому что проход был слишком узким.

А сегодня здесь была лавка.

Деревянная вывеска над дверью гласила: «Редкости и антиквариат». Буквы были потёртыми, выцветшими, но в их изгибах читалась странная, притягательная сила. Сама вывеска казалась старше здания, старше улицы, старше всего города.

Дверь лавки была приоткрыта. Из щели лился тёплый, янтарный свет, который совершенно не вязался с серым, дождливым утром. Свет был живым. Он пульсировал, дышал, приглашал.

Андрей стоял и смотрел на неё. Люди обходили его стороной, бормоча что-то недовольное. Кто-то толкнул в плечо. Но он не чувствовал ничего. Кроме этого запаха. И этого света.

— Вы опоздали, — раздался скрипучий голос прямо у него за спиной.

Андрей вздрогнул так сильно, что едва не упал. Обернулся.

Никого. Только пустая улица и серые дома.

Но запах стал сильнее. И свет из двери лавки пульсировал быстрее, словно в ответ на его испуг.

Колокольчик над дверью звякнул ещё раз, хотя никто не входил и не выходил. Звук был чистым, серебристым, но в нём слышалась какая-то тревожная нота, словно металл стоял от напряжения.

Андрей стоял посреди лавки, сжимая флакон в руке так крепко, что костяшки пальцев побелели. Стекло холодило ладонь, но внутри пульсировало тепло. Жидкость реагировала на его прикосновение: стоило ему дрогнуть, как золотые спирали начинали вращаться быстрее, словно чувствуя его страх.

— Вы... вы исчезли? — спросил Андрей, глядя на пустое место за прилавком. Голос прозвучал хрипло, неуверенно.

— Я здесь, — ответил голос. Не скрипучий больше, а мягкий, бархатистый, идущий словно из самого воздуха. — Просто я перестал быть там, где вы привыкли искать.

Старик материализовался прямо перед Андреем. Не вышел из-за угла, не шагнул из тени — он просто *стал* видимым. Будто кто-то включил свет в тёмной комнате. Теперь Андрей мог рассмотреть его лучше.

Тёмное кимоно было соткано из ткани, которая меняла

оттенков в зависимости от освещения: то угольно-чёрная, то глубокая синяя, то цвета старого вина. На воротнике вышиты были не узоры, а символы — тонкие, изящные линии, которые складывались в узор, похожий на карту звёздного неба или схему лабиринта. Лицо старика было покрыто сетью морщин, но эти морщины не выглядели как следы возраста. Они напоминали трещины на древней керамике — шрамы времени, через которые просвечивает вечность.

Но глаза...

Глаза были абсолютно чёрными. Без белков, без зрачков, без бликов. Просто два чёрных колодца, в которых отражалось всё вокруг: полки, лампы, сам Андрей. И в этом отражении Андрей увидел себя не таким, каким знал — сутулым, серым, уставшим. В глазах старика его отражение стояло прямо, с расправленными плечами, и смотрело на мир с вызовом.

— Что это за место? — спросил Андрей. Вопрос вырвался сам собой, прежде чем он успел подумать.

— Место, — тихо ответил старик. — Для тех, кто потерял дорогу. Или для тех, кто нашёл новую и боится по ней идти.

Он сделал шаг ближе. Движение было плавным, бесшумным. Казалось, его ноги не касаются пола.

— Вы держите в руке Эликсир Перехода, — сказал он, кивнув на флакон. — Но вы даже не знаете, куда хотите перейти. Вы думаете, что ищете цвет. Или вдохновение. Или

покой.

Андрей открыл рот, чтобы возразить, но старик поднял руку. Жест был лёгким, но в нём была такая сила, что слова застряли в горле.

— Не лгите мне, — мягко сказал старик. — И не лгите себе. Здесь ложь не работает. Она тяжелеет, становится камнем в кармане. Вы чувствуете этот камень?

Андрей почувствовал. Тяжесть в груди. Та самая, ноющая, привычная тяжесть, которую он носил пять лет. Тяжесть утраты. Тяжесть вины за то, что он выжил, а Майя — нет. Тяжесть страха перед жизнью, которая продолжалась без неё.

— Я... — начал он.

— Вы ищете не цвет, — перебил старик. — Вы ищете право чувствовать боль. Потому что без боли нет любви. А без любви нет искусства. Вы зарыли свою боль вместе с ней, и теперь ваши руки пусты.

Андрей посмотрел на флакон. Золотая жидкость внутри замерла. Словно слушала.

— Зачем вы даёте мне это? — спросил он. — Если вы знаете, что я слаб? Что я могу сломаться?

— Потому что слабость — это не отсутствие силы, — ответил старик. — Слабость — это отказ признать, что сила есть. Вы пришли сюда не потому, что сильны. Вы пришли, потому что устали притворяться сильным.

Он протянул руку и коснулся флакона поверх ладони Андрея. Его пальцы были холодными, как лёд, но от этого холода жар во флаконе стал ярче.

— Этот эликсир не создаёт новый мир, — прошептал старик. — Он убирает завесу. Мир, который вы видели в луже, всегда был здесь. Рядом. Под кожей реальности. Но чтобы увидеть его, нужно перестать смотреть на серое. Нужно разрешить себе видеть.

Андрей сглотнул. Горло пересохло.

— А если я не смогу? Если я вернусь обратно?

— Вернуться можно, — сказал старик. — Но вы вернётесь другим. Даже если ничего не изменится снаружи, внутри будет трещина. И через эту трещину будет сочиться свет. Или тьма. Зависит от того, что вы выберете.

Он убрал руку. Флакон в ладони Андрея внезапно стал легче. Теплее. Живым.

— Цена, — добавил старик, и в его чёрных глазах мелькнуло что-то похожее на грусть. — У всего есть цена. Не денег. Денег здесь нет. Цену платят частью себя. Тем, чем готовы пожертвовать ради того, что хотят обрести.

— Чем? — спросил Андрей.

— Страхом, — ответил старик. — Вы должны оставить страх здесь. В этой лавке. Он слишком тяжёл для перехода.

Андрей посмотрел на полки. На стеклянные глаза, на засушенные травы, на старые карты. И вдруг понял.

Это не магазин. Это хранилище.

Здесь лежат страхи тысяч людей. Тех, кто пришёл до него. Кто выбрал переход. Кто оставил свою тяжесть на этих полках, чтобы стать легче. Чтобы увидеть.

— Я готов, — сказал он. И впервые за пять лет это было правдой.

Старик улыбнулся. Улыбка была печальной, но тёплой. Как прощание.

— Тогда идите, — сказал он. — Но помните: обратного пути нет. Есть только путь вперёд. Даже если он ведёт назад.

Андрей шагнул через порог. Колокольчик над дверью звякнул в последний раз — звук был чистым, но оборвался так резко, словно кто-то перекусил струну.

Он оказался на улице.

Дождь всё ещё моросил, холодные капли мгновенно промочили волосы и воротник куртки. Андрей глубоко вдохнул сырой воздух, пытаясь стряхнуть с себя оцепенение. В носу ещё стоял сладковатый запах воска и озона, но он уже начал выветриваться, уступая место привычным городским ароматам: мокрого асфальта, выхлопных газов и прелой листвы.

— Ну вот и всё, — тихо сказал он себе под нос. — Купил странную вещь. Поговорил со стариком. Теперь можно идти работать.

Он сделал шаг вперёд, намереваясь обойти лавку и продолжить путь к мастерской.

И замер.

Справа была аптека с тусклой неоновой вывеской. Слева — булочная, из которой доносился запах свежего хлеба и маргарина. А между ними...

Между ними ничего не было.

Там, где только что стояла деревянная дверь, где лился янтарный свет и пахло древностью, зиял узкий проход в глухую кирпичную стену. Стена была старой, покрытой трещинами, мхом и слоями граффити разных эпох. Никакой двери. Никакой вывески «Редкости и антиквариат». Никакого следа того, что здесь вообще могло быть здание.

Андрей попятился. Споткнулся о бордюр, едва не упав в лужу.

— Нет... — прошептал он. — Не может быть.

Он подошёл ближе. Протянул руку и коснулся кирпича. Холодный, шершавый, настоящий. Влажный от дождя. Он провёл пальцем по шву между блоками — цемент крошился, под ногтем осталась грязь. Это была обычная стена. Старая, заброшенная, никем не используемая десятилетиями.

Но ведь он только что вышел оттуда! Он держал в руке флакон! Он слышал голос старика!

Андрей обернулся к прохожим. Мимо шла женщина с зонтом, мужчина в плаще курил у входа в булочную, подросток в наушниках смотрел в телефон. Никто не обращал внимания на стену. Никто не удивлялся. Для них здесь всегда была стена.

— Вы видели? — спросил Андрей мужчину с сигаретой.

Голос звучал хрипло, неуверенно. — Лавку. Только что здесь была лавка.

Мужчина выпустил клуб дыма и посмотрел на него с лёгким раздражением.

— Какая лавка, мужик? Тут стена лет двадцать стоит. Ты чего?

— Но я... Я только что вышел... — Андрей запнулся. Слова казались абсурдными даже ему самому.

— Вышел откуда? Из стены? — Мужчина усмехнулся и отвернулся. — Иди проспись, брат. Рановато ещё.

Андрей отошёл. Сердце колотилось так сильно, что отдавало в висках. Он посмотрел на свою правую руку.

Флакон был на месте.

Холодное стекло давило на ладонь. Внутри медленно перетекала золотая жидкость, пульсируя в такт его собственному сердцебиению. Она была реальной. Тяжёлой. Осязаемой.

— Я сошёл с ума, — вслух произнёс Андрей. — Точно. Галлюцинации. Переутомление. Начало болезни.

Но флакон грел руку. И этот жар был единственным доказательством того, что он не потерял рассудок окончательно. Или, наоборот, единственным доказательством того, что потерял.

Он сжал пальцы вокруг стекла. Больно. Реально.

— Ладно, — выдохнул он. — Ладно. Разберёмся потом. Сейчас — на работу.

Андрей пошёл дальше. Ноги сами несли его по привычно-

му маршруту, но каждый шаг давался с трудом. Будто земля под ногами стала зыбкой, ненадёжной. Люди обходили его стороной, бросая косые взгляды. Ему казалось, что они видят то, чего не должно быть: слабое золотое свечение, исходящее от его кармана. Или дрожь в руках. Или пустоту во взгляде человека, который только что потерял опору под ногами.

Он дошёл до мастерской механически. Спустился в подвал. Открыл дверь своим ключом. Включил свет.

Лампы дневного освещения замигали и зажглись, заливая помещение холодным, безжизненным светом. Здесь всё было как всегда: запах скипидара, старые рамы, инструменты на столе. Безопасно. Предсказуемо. Настояще.

Андрей снял куртку. Повесил её на крючок. Флакон остался в кармане. Он чувствовал его тяжесть даже сквозь ткань.

— Андрюха! — гаркнул голос из глубины помещения.

Виктор Павлович emerged из-за стеллажа с красками. Лицо красное, сигара в зубах (незажжённая, как всегда).

— Ты чего такой бледный? Заболел? — начальник подошёл ближе, прищурился. — Работать будешь или в больницу ехать? Клиентка из Москвы завтра будет, помнишь?

Андрей посмотрел на него. На знакомое, потное, живое лицо. На реальные складки на рубашке. На настоящую сигару.

— Буду работать, Виктор Павлович, — сказал он. Голос

прозвучал ровно. Удивительно ровно. — Всё в порядке. Просто... не выспался.

— То-то же, — фыркнул начальник. — Давай, давай. Рама ждёт.

Виктор Павлович развернулся и ушёл, бормоча что-то про сроки и качество. Андрей проводил его взглядом. Потом пошёл к своему столу. Сел. Взял скальпель.

Работа началась. Монотонная. Знакомая. Успокаивающая.

Но в кармане куртки, висевшей на крючке у двери, пульсировало тепло. И каждую минуту, когда Андрей отвлекался, он чувствовал это тепло. Как напоминание. Как вопрос. Как обещание.

Он работал до обеда. Ел без вкуса. Вернулся. Работал до шести. Когда закончил, на улице уже стемнело. Дождь усилился.

Андрей вышел из мастерской. Накинул куртку. Флакон тяжёло лежал в кармане.

Он пошёл домой. Но теперь каждый шаг был осознанным. Каждый поворот — выбором. Он знал, что ждёт его дома. Знал, что придётся принять решение.

И впервые за пять лет он не боялся этого решения.

Боялся — да. Но не парализующим страхом. А тем страхом, который предшествует прыжку. Который говорит: «Ты жив. Ты чувствуешь. Ты стоишь на краю».

Андрей дошёл до своего дома. Поднялся на третий этаж.

Открыл дверь.

Внутри было темно и тихо. Он включил свет. Разделся. Повесил куртку на тот же крючок.

Флакон остался в кармане.

Андрей прошёл на кухню. Сел за стол. Посмотрел на свои руки. Они больше не дрожали.

— Пора, — сказал он тишине.

И достал флакон.

Кухня погрузилась в тишину, нарушаемую лишь тиканьем настенных часов и шумом дождя за окном. Андрей сидел за столом, сжимая флакон обеими руками. Стекло холодило ладони, но внутри пульсировало живое тепло. Жидкость медленно перетекала из стороны в сторону, сворачивалась в спирали и разворачивалась, словно дышала в такт его собственному сердцебиению.

Он смотрел на неё уже час. Или два. Время потеряло смысл, растворилось в золотом свете.

«Просто вылейте его в отражение», — вспомнил он слова старика.

Какое отражение? Зеркало в ванной? Окно, в котором виднелись серые крыши соседних домов? Та самая лужа на улице, где всё началось?

Андрей встал. Ноги казались тяжёлыми, словно налитыми свинцом. Он прошёл в прихожую и остановился перед зеркалом. Посмотрел на своё отражение.

Уставший мужчина средних лет. Сутулые плечи. Пустые глаза. Серое лицо, покрытое сетью мелких морщин. В этом взгляде не было ни огня, ни жизни. Только привычная, въевшаяся в подкорку серость.

— Это безумие, — сказал он отражению.

Отражение повторило его слова. Без эмоций. Без надежды. Точная копия человека, который давно перестал жить, а просто существовал.

Андрей вернулся на кухню. Снова взял флакон. Теперь жидкость внутри вспыхнула ярче, словно реагируя на его сомнения. Из горлышка потянулся тонкий золотой пар, который закружился в воздухе, танцуя невидимый танец. По комнате разлился тот самый сладковатый аромат — воск, озон, старая бумага. Запах дома, которого у него никогда не было.

«Обратного пути может не быть».

Что это значит? Он попадёт в тот мир и застрянет там навсегда? Или что-то случится с ним здесь, в этой серой реальности? Может, он исчезнет? Растворится, как тот двойник в луже?

Страх холодным комком подкатил к горлу. Разум кричал: «Поставь флакон на место! Выбрось его! Иди спать! Утром проснёшься, и всё станет нормальным!»

Но рука не слушалась. Пальцы сами разжимали крышку.

Андрей представил золотые башни. Парящие силуэты. Себя — молодого, с расправленными плечами, с огнём в глазах. Того, кем он мог бы стать.

И себя здесь. Одинокого. Уставшего. Рисующего по ночам несуществующие миры, потому что реальный мир давно перестал вмещать его душу.

«Нужно рисовать то, что видишь, и то, что чувствуешь одновременно. Тогда получится настоящее».

Голос Майи прозвучал в голове так ясно, словно она стояла рядом. Она учила его не бояться чувствовать. Не прятать боль. Не зарывать вдохновение под слоем лака и рутины.

— К чёрту, — прошептал Андрей.

Слова вырвались тихо, но в них была сталь. Решимость, которой он не чувствовал годами.

Он подошёл к зеркалу в ванной. Включил свет. Резкие лампы высветили каждую деталь: кафель, раковину, зубную щётку в стакане. И его отражение.

На этот раз отражение смотрело на него не с пустотой. В глазах маячил испуг. Будто та часть его души, которая ещё цеплялась за безопасность, понимала: сейчас произойдёт нечто необратимое.

— Пора, — сказал Андрей.

Голос прозвучал ровно. Удивительно ровно.

Он поднял флакон и вылил содержимое прямо на стекло.

Жидкость не стекла вниз. Она впилась в зеркало, как вода в сухой песок. Мгновенно. Бесследно.

Зеркало задрожало. По его поверхности побежали золотые трещины, расходясь от центра во все стороны, словно паутина света. Трещины не разрушали стекло — они преоб-

ражали его.

Андрей отшатнулся, прижавшись спиной к холодной стене. Сердце колотилось так сильно, что болело в груди.

Зеркало не разбилось. Оно... изменилось.

Теперь в нём не было отражения ванной. Там виднелась комната. Не его кухня, не его прихожая. Другая. Светлая, просторная, с высокими арочными окнами, за которыми возвышались очертания тех самых золотых башен. Башни пульсировали, жили, дышали.

И в той комнате стоял он.

Другой Андрей. В хорошей одежде. С уверенной осанкой. С живыми глазами, в которых горел тот самый огонь, который он видел в луже.

Тот Андрей посмотрел прямо на него. Не с испугом. Не с пустотой. С узнаванием. С тёплой, почти сочувственной улыбкой.

И медленно протянул руку.

Андрей замер. Мир вокруг сузился до этого жеста. До этой руки. До этого взгляда.

Если он коснётся стекла... что будет? Вернётся ли он обратно? Станет ли тем, другим? Исчезнет ли вовсе?

Страх был огромным. Но желание... Желание было сильнее.

Он медленно поднял руку. Пальцы дрожали, но двигались вперёд. Не останавливаясь.

Коснулся стекла.

Оно не было холодным. Оно было тёплым. И мягким, как вода. Как кожа живого человека.

Андрей надавил сильнее.

Рука прошла сквозь зеркало по локоть. Никакого сопротивления. Никакой боли. Только тепло. И лёгкое, манящее притяжение.

Зазеркалье потянуло его. Нежно, но настойчиво. Словно приглашая домой. Туда, где его ждали всю жизнь. Где он всегда принадлежал.

Андрей сделал глубокий вдох. Воздух пах воском и озоном. Пах свободой.

И шагнул вперёд.

Мир перевернулся. Золотой свет вспыхнул так ярко, что он зажмурился. Тепло обволокло тело, проникая в каждую клетку. И последнее, что он услышал перед тем, как реальность растворилась, был тихий, довольный вздох.

Будто он наконец-то выдохнул воздух, который держал в лёгких пять лет.

Золотая клетка

ГЛАВА 2. ЗОЛОТАЯ КЛЕ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.